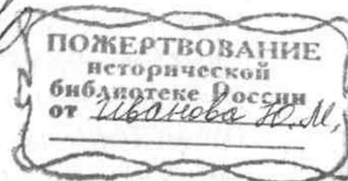

Как оправданно указывал Маркс, революция философских идей обычно предшествует поэтическому перевороту.[1] Под влиянием западноевропейских событий ее идеи свободы, равенства и братства проникали в самодержавную Россию, порождая *одновременно* политические движения и поэтический переворот. Декабристы и Пушкин оставили неизгладимый след в истории борьбы с абсолютизмом. Позднее демократические традиции этой борьбы были продолжены Ф. М. Достоевским и Л. Н. Толстым, но остались отвергнутыми Лениным, добивавшимся прихода к власти деклассированных масс.

Деклассирование - разорение населения, лишенного возможности иметь стабильный легальный доход - в разных странах происходило по-разному. В России, претерпевая множество метаморфоз, оно протекало столетиями вплоть до середины прошлого века. Однако при всех различиях метаморфозы объединяет одно: ожесточенная борьба между теми, кто отстаивает не исчезнувшие пока традиции бесконтрольной власти чиновников, и теми, кто апеллирует к массам, призывая их на всех уровнях активно участвовать во всех демократических начинаниях.

В международном плане отмеченное противоречие проявляется в призывах вернуться к военному противостоянию времен холодной войны,

---

[1] См. Маркс К. Письмо Г. Гейне 12 января 1845 г. Т. 27. С. 386-387.

задержать процессы демократизации, связанные с ростом рынка и широким привлечением частных инвестиций, ускоряющих экономический подъем. За примерами отсталости, порождающей отказ от действенного рынка, не стоит далеко ходить. Достаточно сравнить экономические достижения Тайваня и континентального Китая, возглавлявшегося в прошлом "великим кормчим".[2]

В широких масштабах проникновение капитала в отсталые страны началось в период территориального раздела мира. В отличие от современности оно сопровождалось разорением крестьянских масс: колонии и полуколонии становились подразделениями "мировой деревни", где господствующее положение занимал иностранный капитал. Традиционные формы личнозависимого труда вроде рабства запрещались, сферы его приложения ликвидировались. Население обязывалось выполнять работы, ввергавшие его в долги, обеспечивавшие присвоение иностранным капиталом львиной доли прибавочной стоимости. Наиболее интенсивно эти процессы протекали в колониях. В полуколониях, где сохранялся традиционный государственный аппарат, последний продолжал присваивать прибавочную стоимость, делясь ею с закордонными пришельцами.

Подобные отношения складывались и на Востоке нашей страны, где российский купеческий капитал создавал свою сеть финансовой зависимости. В самой же самодержавной России пропагандировались преимущества крепостнического труда по сравнению с наймом. "В хозяйстве с наемником ты ничего путного не сделаешь, -

[2] Подробнее см.: Иванов Ю. М. Восток - социально-экономические этюды. Часть 1. Аграрные проблемы XX века. М., 2001.

наставляли в церквах помещиков. - Русский мужик должен тебя видеть и знать, что он для тебя работает, и что ты видишь его, и тогда он будет работать весело, охотно, успешно. После-де бога и великого государя закон велит служить барину. На чужих работать обидно, да и не приходится вовсе, а на барина сам бог велит, он для тебя, ты для них. Вот самый русский обычай и лучшее хозяйство".[3] В том же ключе типично рассуждение литературного героя В. А. Соллогуба: "Немцы да французы жалеют об нашем мужике: мученик - де - говорят, а глядишь, мученик-то здоровее, и сытнее, и довольнее многих других. А у них, слыхал я, мужик-то уж точно труженик; за все плати: и за воду, и за землю, и за дом, и за пруд, за воздух,за что только можно содрать".[4]

Главным пропагандистом крепостных порядков была содержавшаяся царем церковь. Приравненный к Сенату синод назначался императором из высших духовных лиц. В ведение синода помимо назначения церковных должностных лиц с соответствующими окладами входило преследование еретиков и раскольников, заведование тюрьмами, цензурой и т. д. Надзор за всеми осуществлял докладывавший царю обер-прокурор синода. По мере разложения крепостнических порядков власть последнего возрастала, достигнув вершины при К. П. Победоносцеве (1880-1905 гг.).

Сами синодальные иерархи регулярно бывали за границей, знали иностранные языки и господствовавшие в Европе демократические воззрения. Их главная задача заключалась в сокрытии этих воззрений от паствы. Основной лейтмотив их публичных выступлений - "кто богу не

[3] граф Соллогуб В. А. Воспоминания. М.-Л., MCM XXXI. С. 68.

[4] Там же.

грешен, царю не виноват". Отстаивая самодержавие, церковь, сеяла власть тьмы, скрывая от масс достижения цивилизации.

Многочисленные крестные ходы и проповеди с амвонов и в классах церковноприходских школ (созданных в противовес народническим) были призваны удерживать отношения крестьян с помещиками в патриархальных рамках, свойственных эпохе крепостного права, когда судьба прикрепленного к земле крестьянина зависела только от воли помещика, присваивавшего прибавочный продукт. Однако, как только в их отношения вклинились деньги, и тот и другой оказались в долгах. "Поддалась цепь, распалася одним концом по барину, другим по мужику".

К моменту ликвидации крепостного права Россия была отсталой страной. За полтора столетия с начала 18 века доля ее городских жителей возросла всего лишь с 3 до 4.4 %[5]. Большинство из них так или иначе были связаны с деревней, где в личной зависимости у помещиков находилось 22 млн. крестьян. Около 1,5 млн. крестьян были удельными (дворцовыми), содержавшими царскую семью. Остальные 23,8 млн. или 49% считались государственными. Чтобы спасти помещиков от разорения государственный банк взял на себя большую часть выплат с процентами (75-80%) за освобождение крестьян. Последние обязаны были их погашать в течение 49 лет по 6% ежегодно. Остаток выплачивался разорявшимися помещиками, закладывавшими земли в банк из расчета получения ими пятипроцентных госбанковских билетов и выкупных свидетельств. Лишь первая русская

[5] См. Троцкий Л.Д. Движущие силы русской революции//ГРАСПИ. С. 325, опись1, ед.хр.125. Л.17.

революция окончательно покончила с выкупными платежами. С 1 января 1907 года они прекратились.[6]

Производство ради денег было первым свидетельством вступления России на капиталистическую стезю. Начало ее вступления положил Петр Первый еще до того, как в России сложился внутренний рынок. После его смерти осталось 233 казенных и частных предприятия: горные и оружейные заводы, суконная, полотняная, парусиновые фабрики и т.д.[7]. В них трудились прикрепленные к земле крестьяне, которых император раздавал всем, кто готов был торговать с заморскими странами, обогащая его казну, что потребовало, в конце концов, железнодорожного строительства для перемещения товаров и людей. За короткий срок – в течение второй половины 19 столетия - в Европейской России было сооружено более двадцати тысяч верст железных дорог, а по всей империи 31800 тысяч верст, в том числе 17 тысяч казенных.

Сегодня технические возможности железнодорожного строительства по сравнению с 19 веком несоизмеримо выросли. Тем не менее, наши установки остаются практически однопорядковыми – 30 тысяч километров в течение 20 с лишним лет. Иначе говоря, в конце 19 века строили в год больше железных дорог, чем намечено в 21 веке. А ведь нам еще предстоит выполнить задачу, поставленную Менделеевым, который писал: «И все-таки мы можем снабдить весь мир нашим чрезвычайно дешевым чугуном, железом и сталью. Наши нефтяные

[6] См. Реформы 60-70-х гг. XIX в. //Российская академия управления. Гуманитарный центр. Реформы в России. М., 1993

[7] См. Троцкий Л.Д. Русский капитализм// ГРАСПИ. С. 325, опись 1, ед.хр.123. Л.3.

источники, наши каменноугольные и другие земельные богатства едва затронуты».[8]

На периферии капитализма, где, как в России не было развитого внутреннего рынка, капитализм развивался весьма своеобразно.

На это своеобразие капиталистической стези на периферии капитализма одним из первых обратил внимание К. Маркс. "А если владельцев плантаций (рабовладельческих - Ю. И.) в Америке, - писал он, - мы теперь не только называем капиталистами, но они и на самом деле *являются* таковыми, то это происходит потому, что они существуют как аномалии в условиях мирового рынка, покоящегося на свободном труде".[9] Но то, что в середине XIX в. представлялось аномалией, впоследствии оказалось закономерностью. В Африке, Азии и Латинской Америке производившие на экспорт хозяйства покоились на рабском либо феодально-принудительном труде.

Как известно, К. Маркс рассматривал отработки в качестве "самой простой формы ренты, которую первоначально сменяет превращенная ее форма в виде ренты продуктами, а затем денежная рента, представляющая, в свою очередь, превращенную форму ренты продуктовой". Подобная смена рентных отношений характерна для поступательного развития феодализма. Здесь же налицо обратный характер эволюции - отработочная рента становится превращенной формой продуктовой и денежной ренты.

[8] Цит. по: Троцкий Л.Д. Русский капитализм// ГРАСПИ. С. 325, опись 1, ед.хр.123. Л.26.

[9] Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов (первоначальный вариант "Капитала"). Часть первая. Т. 46. Ч. 1. С. 505.

В России с появлением рынка росла потребность в деньгах не только у экспортировавших продукцию владельцев хозяйств, но и у трудившихся на них крестьян. Занимая у хозяев деньги, они попадали в долговую кабалу в условиях сохранения привычных форм связей между владельцем денег и крестьянином.

Подобная совместимость была возможна, прежде всего, потому что, кредитуя крестьян, владелец капитала вынуждал их, в конечном счете, отрабатывать тот долг, который он предоставил им, будь то в виде денег или предметов потребления. При этом сами отработки приобретали многообразные формы, начиная от работ в хозяйстве того, кто предоставил ссуду, и кончая работами в крестьянском хозяйстве, связанными с выплатой доли урожая натурой либо деньгами.[10]

Там, где займы предоставлял владелец хозяйства, в котором трудились крестьяне, процессы деклассирования протекали замедленнее, чем там, где кредиторами непосредственно выступали банки и связанные с ними кредитные организации. Владельцы хозяйств были больше заинтересованы в постоянных работниках с круглогодичными источниками существования.

Другое дело, когда кредиторами были банки и связанные с ними организации, через своих агентов обиравшие до нитки крестьян. В таких случаях процессы деклассирования, разорения крестьян ускорялись, порождая лишенных хозяйств голодающих, терявших привычки к систематическому труду.

[10] Иванов Ю. М. Урбанизация и особенности формирования городского пролетариата в развивающихся странах. М., 1985. С. 19.

Важным следствием раскрестьянивания было распространение идей равенства, обусловленных вовлечением деклассированных в рыночные отношения. В условиях отработок эти идеи причудливо переплетались с признанием личной зависимости от кредитора и пестуемой церковью верой в заботящегося о бедных императора. Разрешить подобные противоречия могли лишь репрессии, совершенные по его явному распоряжению. Впервые они обрушились на апеллирующие к нему мирные массы 9 января 1905 г., положив начало первой русской революции. До этого в глазах бедноты зачинщиками репрессий были местные власти - ослушники доброй воли государя.

Помимо деревни город имел своих многоликих деклассированных. Их положение хорошо описал А. Ф. Кони: "Город в последние полвека все больше и больше втягивает в себя сельское население своими отхожими ремеслами, фабриками и заводами. Именно это население подвергается особому соблазну пьянства в дни субботних расчетов, когда у ворот заводов и фабрик, тревожась за участь полуголодных и полуодетых детей, матери ждут выхода мужей, чтобы спасти хоть часть выручки от пропивания ее целиком"... Существуют целые своеобразные классы общества, известные у нас под названием "золоторотцев", "хитровцев", "босяков" и всякого рода хулиганов, грозящих общественному порядку и безопасности в своем непрерывном росте. Для этих "Katilinarishe Existzen (деклассированных слоев населения), как их называл Бисмарк, венец заработка и цель дня состоят в выпивке, их невозможно приучить к систематическому труду и оторвать от кабака, для которого добывались деньги милостыней, а иногда и насилием".[11]

Следует отметить, что в Западной Европе не деревня была сосредоточением деклассированных масс. Здесь не было преград, удерживавших разорившихся крестьян в деревне. Лишенные источников существования устремлялись в города, либо мигрировали за рубеж, прежде всего в США и Канаду. В результате города становились основным местом сосредоточения деклассированных. Другое дело страны Востока, где возможности осесть в городах были крайне ограничены. Лишавшиеся средств существования крестьяне были вынуждены прозябать в деревне. Отсталый Восток представлял мировую деревню, обеспечивавшую дешевым сырьем мировой город.

В самодержавной России основная масса населения проживала в деревне. Наибольшую его часть составляли деклассированные крестьяне. Поэтому любые устремления покончить с бедственным состоянием русского народа, в конечном счете, упирались в решение вопроса о судьбах разоренных крестьянских масс. Если отвлечься от различий предлагавшихся решений, отражавших разные грани жизни деревни, то окажется, что ведущих течений было три: Ленина; Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского; а также русских марксистов.

Ленинское течение отражало настроение тех крестьян, разорение которых дошло до той степени, при которой самостоятельно крестьянствовать уже стало невозможно. Они постоянно находились в долгах у имущих односельчан, выступавших в конечном счете в роли посредников связанных с

[11] Кони А. Ф. К истории нашей борьбы с пьянством // Избранное. М., 1989. С. 83-84.

банками кредитных фирм. Свои беды разорившиеся видели в рынке, порождавшем долговую кабалу. Его полное уничтожение, проводившееся после прихода Ленина к власти, отвечало глубинным чаяниям деклассированных крестьян, принимавших активное участие в создании административно-распределительного механизма вместо рыночного. Предварительной предпосылкой его возникновения было существование сообщества нечаевского типа, распределявшего по указанию Ленина властные полномочия своих сподвижников.

При этом он полагал, что хозяйства бедняков не в состоянии обеспечить заметный подъем производства вообще и производства прибавочной стоимости в особенности. Решение проблемы он видел в принудительном труде и резком сокращении потребления тех, кого принуждали с показным энтузиазмом работать в общественных хозяйствах. Такие хозяйства объявлялись коммунистическими.

В действительности они как небо от земли были далеки от коммунизма. Так же, как и небо от земли, были далеки и претензии возглавлявшей их верхушки быть диктатурой пролетариата. Еще задолго до революции Ленин в работе "Что делать?" доказывал, что рабочие сами не в состоянии управлять производством, где создавалась прибавочная стоимость, что этим должны заниматься их руководители, директора, которые теперь после прихода к власти большевиков объявляли себя рабочей властью.

Порожденная Октябрем властная верхушка широко открывала двери для роста своих рядов за счет деклассированных крестьян, заявляя, что контроль над производством и распределением, учет продуктов труда якобы "упрощен капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому

грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответствующих расписок".[12]

На деле подобные заявления, отрицавшие сложности процессов управления, достойны лишь насмешек. Их появление было рассчитано на привлечение к управлению деклассированных бедняков, у которых, как правило, за плечами в лучшем случае было окончание четырехклассной церковноприходской школы, где главным предметом был "закон божий".

В отличие от Ленина, Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский выражали чаяния тех крестьян, которые могли самостоятельно хозяйствовать в условиях патриархального быта, разрушавшегося под воздействием рынка. В известном письме Николаю II Толстой писал: "Мерами насилия можно угнетать народ, но нельзя управлять им. Единственное средство в наше время, чтоб действительно управлять народом, только в том, чтобы, став во главе движения народа от зла к добру, от мрака к свету, вести его к достижению ближайших к этому движению целей. Для того чтобы быть в состоянии сделать это, нужно, прежде всего, дать народу высказать желания, исполнять те из них, которые будут отвечать требованиям не одного класса или сословия, а большинству его, массе рабочего народа... Для русского народа освобождение может быть достигнуто только уничтожением земельной собственности и признанием земли общим достоянием".[13]

В этом же письме Толстой смело утверждал, что самодержавие - уже "отжившая форма власти", что

---

[12] Ленин В. И. Государство и революция. Т. 33. С. 101.

[13] Толстой Л. Н. Николаю II. 1902 г. Январь 16. Гаспра.//Полн. собр. соч. Т. 73-74. С. 188-189.

опору ее составляет насилие.[14] Он не только гениальный художник и выдающийся мыслитель, но и смелый, последовательный борец с самодержавием. Его мечта - превращение России по примеру европейских стран в конституционную монархию, где каждый имел бы возможность вести хозяйство на общественной земле.

Читатель по достоинству может оценить трактовку коммунистами роли Толстого и Ленина в годы Первой русской революции. "Толстой дал, пишет, например, И. М. Нусинов, - критику зла, не указав путей его претворения, и потому его учение знаменовало покорность злу. Ленин указал путь к добру, организовал волю к действенному торжеству добра".[15]

Известная статья Ленина "Лев Толстой, как зеркало русской революции" ни с крестьянской революцией, ни с ее "злодеем" Толстым не имеет ничего общего. Толстой изображается им в виде жалкого "помещика, юродствующего во Христе", хлюпика интеллигента, способного есть лишь "рисовые котлетки" и юродиво проповедовать "непротивление злу насилием". Можно подумать, что великая революция делалась не крестьянами, а юродивыми помещиками, воплощавшими ее идеалы в "рисовые котлетки"!

Ленинские рассуждения о том, что "совокупность взглядов Толстого, вредных как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как *крестьянской* буржуазной революции", не имеют ничего общего с действительностью. В старорусских губерниях, где разворачивались основные события,

---

[14] См. Там же. С. 187.

[15] Нусинов И. М. Толстой и Ленин. Вступительная статья// Ленин и Толстой. Коммунистическая академия. М., 1928. С. 39.

еще не было почвы для появления использующей наемный труд крестьянской буржуазии.

В России испокон веков вообще не было крестьянских движений, которые отстаивали бы буржуазное развитие. Владельцы патриархальных крестьянских хозяйств и без революции практиковали полностью удовлетворявший их "капиталистический паразитизм", о котором писал еще Энгельс. Однако на почве этих отношений возникали не буржуазия и пролетариат, т. е. классы буржуазного общества, а долговая кабала, порождавшая на одном полюсе имущих крестьян, присваивающих прибавочную стоимость, на другом - деклассированных, отрабатывающих долги.

Рынок со своим предложением товаров, порождавшим все новые и новые потребности, разрушал эти отношения, сужая возможности кредиторов предоставлять ссуды с одной стороны, и лишая хозяйства получателя ссуд с другой. В связи с этим Толстой, призывал сокращать порожденные рынком потребности. Его рассуждения подробно описал А. Ф. Кони, много раз доверительно беседовавший с ним на эти темы. Толстой ему говорил: "Человек *обязан* быть счастлив, как обязан быть чистоплотным. Несчастье же состоит, прежде всего, в невозможности удовлетворять своим потребностям. Поэтому чем меньше потребностей у человека, тем меньше поводов быть несчастным. Только когда человек сведет свои потребности к минимуму необходимого, он вырвет жало у несчастья и обезвредит последнее, и тогда в самом сознании, что им устранены условия несчастья, он почерпает сознание счастья... Толстой с резкой откровенностью объяснял, *чего* ему не достает, чтобы достигнуть буддистского презрения к телесным удобствам и

сострадания даже к паразитным насекомым".[16] Сокращая потребности и умело делая немудреную работу крестьянского хозяйства, он стремился уподобиться крестьянам, которые о нем с уважением говорили "Это мужик умственный, хотя и барин".[17]

Вопрос о сокращении потребностей в конечном счете сводился к вопросу об отношении к порождавшему их рынку. О необходимости сокращения рыночных потребностей писали ведущие идеологи крестьянской революции. Но цели у них были разные. "Злодеи" Толстой и Достоевский добивались того, чтобы у крестьянина оставалось больше жизненных средств; " добрый" Ленин, - чтобы изъять у него максимум возможного для присвоения возросшей прибавочной стоимости. Естественно, что способы сокращения потребностей при этом предлагались разные: у Толстого и Достоевского - добровольные, у Ленина - методами жесточайшего насилия.

Что касается отношения к капитализму, то, по словам Л. Троцкого, Л. Толстой отбросил веру в "суеверие прогресса". "Я не нахожу, - писал Л. Толстой, чтобы отношения фабриканта к работнику были человечнее отношений помещика к крепостному".[18] В отличие от приведенных выше рассуждений А. Соллогуба в защиту крепостнических порядков Л. Толстой в данном случае отмечал лишь то, что и при крепостничестве и при капитализме к крестьянину относятся одинаково жестоко, стремясь как можно больше нажиться за его счет.

К наемным рабочим "поборник капитализма" Толстой относился резко отрицательно. В

[16] Кони А. Ф. Л. Н. Толстой//А. Ф. Кони Избранное... С. 186, 187.
[17] Там же, С. 183.
[18] Цит. по: Толстой Лев//Л. Троцкий соч. Т. XX. Культура старого мира. М.-Л. 1926. С. 251.

деревенской обстановке единственным рабочим, которого видел Толстой, был конкурент патриархального крестьянина - предоставлявший ссуды глава артели. Глава артели договаривался об условиях труда и заработной плате артельщиков, за счет отчислений от которой он сам существовал. Артельщики же находились у него в беспросветной долговой кабале. Еще до начала сезона работы, он раздавал артельщикам денежные ссуды, которые они обязаны были отработать.

Вот, что писал, например, 28 июля 1910 г. профсоюзный журнал "Рабочее эхо": "С котомками за плечами, где лежит их немудреный скарб и инструмент, идут и едут в города печники, каменщики, плотники, маляры, штукатуры - искать работы. В деревне им нечего делать, клочок земли ими давно продан или сдан в аренду, да, если он и есть, с ним справится жена с полуголодными малыми ребятами. У земляка - подрядчика давно, еще зимой, вперед под работу деньги взяты. На все лето до поздней осени закабалил себя "землячку "строительный рабочий".[19] Будучи заинтересованными в росте отчислений от заработной платы, такие "землячки" добивались увеличения последней, объединяясь порой в профсоюзы, в которые зачисляли артельщиков.

Подобные артели во главе с подрядчиками существовали и в Западной Европе на стадии становления фабричного производства (они подробно описаны Марксом в "Капитале"), а также в странах Востока. В Египте руководителей таких артелей называли "раисами", в Индии - "сардарами",

[19] Цит. по Иванов Ю. М., Пронин С. В. На пути свержения царизма. //Профсоюзы СССР. Документы и материалы. Т. 1. Профсоюзы в борьбе за свержение самодержавия и установление диктатуры пролетариата (1905-1917). М., 1963. С. 197.

"мистри", в Китае - "старшинками" и т. д. В английской научной литературе их нередко называют джобберами. Все эти лица выступали в роли субподрядчиков рабочей силы и в качестве таковых получали известную долю прибавочной стоимости из зарплаты артельщиков. Они вербовали, опутывая долгами крестьян, прежде всего в тех сельских округах, уроженцами которых они были сами, т. е. там, где они имели особо прочные экономические и социальные связи с вербованными.[20]

Чтобы доказать развитие капитализма в деревне, Ленин сводил все аграрные проблемы к вопросу о судьбах помещичьего землевладения, сознательно умалчивая о том, что крестьянам приходилось выкупать не только землю, но и свою личность. В своем известном письме от 16 декабря 1909 г. он писал: "Что доказывал и доказал Ильин, имея в виду свою работу "Развитие капитализма", что развитие аграрных отношений в России идет капиталистически *и* в помещичьем хозяйстве, *и* в крестьянском, *и* вне, *и* внутри общины". [21] А это подразумевало, что в общине и вне ее формируются классы буржуазного общества - капиталистов и пролетариев.

На самом деле это был чистейший бред, не имевший с действительностью ничего общего. Еще в 1904 г. неопровержимо было доказано, что крестьянское население коренной России выкупало не только землю, но и стоимость собственной личности, "стоимость крепостных душ".[22] Иначе говоря, земельный вопрос, к которому все сводил Ленин, не

[20] См. Иванов Ю. М. Пронин С. В. На пути свержения царизма. М., 2004. С. 12-13.

[21] Ленин В. И. Соч. Т. III. Развитие капитализма в России. М., 1935. С. VIII.

[22] Лосицкий А. Е. Выкупная операция. СПБ 1904. С. 3.

мог решить всех проблем капитализма. Личная зависимость, препятствовавшая появлению свободного найма, продолжала сохраняться в течение многих десятилетий после падения крепостного права в 1861 г.

"В черноземной полосе, - пишет А. Е. Лосицкий, - доход помещика получался главным образом от сельского хозяйства; труд имел значение только в связи с землей; крепостная душа, если б она могла продаваться без земли, ценилась бы очень дешево. В нечерноземной полосе, наоборот, значительная часть помещичьих доходов получалась, - благодаря промышленному развитию этой полосы, - от промыслового труда крестьян; барщинная эксплуатация заменялась эксплуатацией оброчной; мужик ушедший с земли для промыслового заработка, ценился дороже, чем оставленная земля". [23] Согласно тщательным подсчетам А. Е. Лосицкого, доля освобождения крестьян от личной зависимости в выкупных платежах составляла в черноземной полосе 56%, в нечерноземной - 121%. По его расчетам, крестьяне, уплатив 1,2 миллиарда рублей, полностью покрыли все расходы казны по выкупной операции. [24]

В условиях низкой производительности труда использование найма в зажиточных крестьянских хозяйствах было невыгодным. Из всех европейских стран урожайность зерновых в России была самой низкой. В частности, в течение 1901-1906 гг. сбор пшеницы с десятины посева составлял всего 42,6 пудов.[25] Согласно данным Соковнина, валовой доход с десятины крестьянского посева в черноземной полосе за вычетом семян составлял 20 руб. 76 коп. минус

[23] Там же.

[24] Там же. С. 3, 17.

[25] Прокопович С. Н. Аграрный кризис и мероприятия правительства. М., 1912. С. 16.

арендная плата 9 руб. 20 коп. Итого крестьянину оставалось 11 руб. 56 коп. Однако, если бы он использовал труд наемного рабочего, то при зарплате 15 руб. 10 коп. убыток арендатора составил бы 3 руб. 54 коп.[26]

О невыгодности найма в зажиточных крестьянских хозяйствах писал и Троцкий: "Капиталистический фермер бессилен здесь конкурировать с арендатором – паупером, и паровой плуг терпит поражение в борьбе с физиологической упругостью мужика, который, уплатив в виде аренды не только всю прибыль на свой «капитал», но и большую часть своей заработной платы, питается хлебом из муки, смешанной с древесными опилками или молотой корой".[27]

На почве невыгодности наемного труда в деревне множились различного рода отработки, расчеты по которым, в конечном счете, сводились к хлебу, бывшему мерилом всех затрат труда.

Подобная невыгодность использования наемного труда в хозяйствах, производивших товарную продукцию, была характерна и для стран Востока[28], где отработки, возникавшие на почве торгово-ростовщического капитала, камуфлировали традиционные аграрные отношения, свойственные сплошь да рядом натуральному хозяйству.

Ленин полагал, что для уничтожения помещичьего землевладения необходимо

---

[26] Прокопович С. Н. Аграрный вопрос в цифрах... С. 42.

[27] См. Троцкий Л.Д. Крестьянство и аграрный вопрос // ГРАСПИ. С. 325, опись 1, ед.хр.124. Л.17.

[28] См. Иванов Ю. М. Развитие капитализма в африканской деревне Родезии и Замбии. М., 1970; Иванов Ю. Старые решения вечно "новых» проблем//Проблемы дальнего Востока. 1993. № 6.

насильственное свержение царя. [29]. В связи с этим он считал, что судьба революции решается в деревне. "Проповедуя отобрание земли, - писал он в 1906 г., - мы зовем крестьян на восстание. А разве мы вправе были бы, не впадая в революционную фразу, делать это, если бы не рассчитывали на восстание рабочих в городах, на поддержку рабочими крестьян?".[30] Иначе говоря, не крестьяне должны были поддерживать выступления рабочих, а рабочие - крестьян.

Однако чтобы уничтожить помещичье землевладение, крестьянам не нужно было насильственно свергать царя. Не считаясь с бессильными властями, они сами по своему усмотрению добивались того, что хотели. В Черноземье, организуя погромы помещичьих имений, они стремились к тому, чтобы вынудить бежавших в город помещиков снижать арендную плату за землю, переходившую в "уравнительное" пользование общин во главе с имущей частью деревни. "Крестьяне толпами подступали к помещичьим экономиям, разбирали хлеб и прочее, а постройки нередко сжигали. Вреда личностям почти никогда не приносили, ибо не столько питали вражду к отдельным лицам, сколько стремились во что бы то ни стало выжить помещиков... За короткое время было сожжено и "разобрано" и вообще уничтожено свыше 2000 усадеб".[31]

По иному развивалось крестьянское движение в нечерноземных губерниях, где главным занятием населения были отхожие и кустарные промыслы.

---

[29] См. Ленин В. И. Л. Толстой как зеркало русской революции//Ленин и Толстой. М., 1928. С. 53.

[30] Ленин В. И. Современное положение России и тактика рабочей партии. Соч. Т. IX. С. 25.

[31] Общественное движение в России в начале XX века под редакцией Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Т. 2. СПБ, 1909. С. 118.

Разнообразные государственные и общинные поборы, натуральные повинности в пользу земства (дорожная, квартирная, подводная и др., позднее возрожденные большевиками), громадные косвенные налоги на товары повсеместного спроса (керосин, соль, спички и т. д.), а также поборы винной монополии были подлинным бедствием особенно для имущих, выращивавших коноплю, лен, картофель, разводивших скот и изготавливавших высококачественные сыры. Главным здесь были отказы платить подати и бойкот сельской администрации. Именно к этому призывал крестьян Л. Н. Толстой, указывая на ненужность насилия в делах "войны" с помещиками.

Потравы и порубки были повсеместны, поджоги помещичьих усадеб редки. На основании общественных приговоров население смещало волостные и сельские власти. "Почти повсеместно в губернии, - жаловался новгородский губернатор, - оклады содержания волостных старшин, судей, писарей были до таких ничтожных размеров уменьшены, что те из должностных лиц, которые сколько-нибудь удовлетворяли своему назначению, должны покинуть свои места".[32] Революция 1905 г. сделала свое дело. Помещичье землевладение окончательно превратилось в стихийно отживающий анахронизм. В губерниях Черноземья помещики торопились распродать свои земли банку и непосредственно зажиточным крестьянам. В Симбирской губернии доля таких земель составила 33,2%, в Саратовской - 32,6%, в Пензенской - 28,8%, Самарской - 26,5% и т. д.[33]

[32] Цит. по: Крестьянское движение в России. (Июнь 1907-июль 1914). Сборник документов. М.-Л., 1966. С. 22.

[33] Прокопович С. Аграрный кризис и мероприятия правительства. М., 1912. С. 140.

На повестке дня действительно четко вырисовывалась предугаданная Л. Н. Толстым картина добровольного отказа помещиков от владения землей. "Да, - думает Левин, полурешая, - да, если по-настоящему, то за что мы, как сказал давеча Весловский, "едим, пьем, охотимся, ничего не делаем, а бедный вечно в труде"? Да Стива прав, я *должен* разделить свое имение бедным и пойти работать на них".[34]

Подобный раздел имений, Достоевский, перекликаясь с Толстым, называл русским решением вопроса. "Если вы почувствовали, - пишет он, - что вам тяжело "есть, пить, ничего не делать и ездить на охоту", если вы действительно это почувствовали и действительно так вам жаль "бедных", которых так много, то отдайте им свое имение, если хотите, пожертвуйте на общую пользу и идите работать на всех".[35]

Каким бы ни было "русское решение вопроса", в наибольшем выигрыше оказывались имущие, расширявшие свои возможности становится кредиторами. Число же деклассированных продолжало расти, чему особенно способствовала война.

Беднота массами продавала свои наделы, становившиеся собственностью имущих крестьян. С 1907 г. по 1915 г. (в 1915 г. в связи с массовыми протестами семей мобилизованных в армию проводившийся по мужским душам передел общинных земель был приостановлен) 1,2 млн.

[34] Достоевский Ф. М. "Злоба Дня"//Дневник писателя. Избранные страницы. М., 1989. Дневник писателя. 1877. С. 412.

[35] Достоевский Ф. М. Русское решение вопроса//Достоевский Ф. М. Дневник писателя. Избранные страницы, 1989.... С. 415.

крестьян продали 3 млн. десятин,[36] т. е. в среднем у них оставалось всего 2,6 десятины на двор. Такие хозяйства могли лишь частично удовлетворять голодные нужды своих владельцев. По оценке С. Прокоповича поставщиками сельскохозяйственных продуктов на рынок могли быть хозяйства, имевшие не менее 4-х десятин посева.[37] Одним из признаков их достатка было существование тараканов в их избах. У почти 10% крестьян из-за постоянного голода и холода тараканы не выживали.

Разорение крестьянских масс возрастало не только из-за сокращения наделов, но и роста цен на покупаемое ими продовольствие. Уже осенью 1915 г. города, бывшие местом приработков бедняков, сидели на голодном пайке. К осени 1916 г. предметы первой необходимости по сравнению с началом войны здесь вздорожали в среднем втрое, дрова и яйца - вчетверо, масло и мыло - впятеро.[38]

В то же время переориентация промышленности на военные нужды породила острейший дефицит таких товаров как ситец, нитки, керосин, спички, сахар и т. д. Цены на эти товары настолько выросли, что продавать что-нибудь на рынке стало невыгодно. Жены мобилизованных все чаще громили лавки, силой забирая товары и избивая их владельцев.

Мобилизации в насчитывавшую 15 млн. чел. армию (ее численность превысила городское население) форсировали рост деклассированных не только в связи с разорением покинутых хозяйств. Их владельцев заставляли привыкать к полуголодному,

[36] Крестьянское движение в России в годы первой мировой войны. Июль 1914 г.- февраль 1917 г. М.-Л., 1965. С. 7.

[37] Порокопович С.. Что дал России нэп//Нэп. Взгляд со стороны. М., 1991. С. 28.

[38] Хроника России. XX век. М., 2002. С. 206.

полураздетому солдатскому существованию в обстановке, когда в армии всякий труд лишал замордованного бессмысленной муштрой солдата возможности забыться даже во сне.

Рукоприкладство к нижним чинам росло. За годы войны отношения между солдатами и офицерами все более накалялись. “Офицер был, - пишет А. С. Серафимович, в чистоте, солдат во вшах. Офицер вкусно и чисто ел, солдат - с червями. Для офицера - книга, клуб, театр, для солдата - постоянная казарма. Офицер оберегал свое достоинство, если не по отношению к своему начальству, так по отношению к штатским; для солдата - унижения, подлые собачьи; для офицера - безнаказанность, для солдата - бесчеловечные - наказания”.[39] Неповиновение человека с ружьем росло. Случаи убийства офицеров из-за угла либо панического бегства из частей встречали открытое одобрение солдатских масс. После победы Февральской революции власть солдат в военных подразделениях стала юридически признанной нормой, оформленной приказом номер один.

Для Ленина и его единомышленников, замышлявших уничтожить частную собственность, проигранная война была большой удачей. Их главными соперниками была часть эсеров, провозгласивших позднее создание собственной левой партии. Подобно ленинским сторонникам, они пропагандировали идеи опережающего прорастания социализма в деревне. Основное их отличие от большевиков с непререкаемыми на всех уровнях руководителями, заключалось в свободном обсуждении любых подсказанных жизнью вопросов.

[39] Серафимович А. С. Только уснуть//Серафимович А. С. Собр. соч. Т. 3. М., 1987. С. 89.

Среди знатоков настроений и чаяний деклассированных особое место занимает Ф. М. Достоевский. Предмет его изучения это деклассированные Петербурга - ведущего центра политической и экономической жизни громадной России, где связи его жителей с деревней, так или иначе, определяли их жизненные судьбы. "Кто в стране владеет землей, - пишет он, - те и хозяева той страны, во всех отношениях" (вспомним в этой связи Л. Толстого - Ю. И.).[40]

В отличие от Ленина идеал Достоевского - не утративший способность систематически трудиться, лишенный всего крестьянин, а тот, кто имеет в деревне семью, ведущую свое хозяйство. У него нет сомнений в желательности существования частного землевладения. "А разрешен ли у нас до сих пор вопрос, - риторически спрашивает он, - о единичном, частном землевладении? Уживется ли оно впредь рядом с мужичьим, с определенной рабочей силой, но здоровой и твердой, а не на пролетариате и кабаке основанной".[41] Для Достоевского рабочая сила могла быть "здоровой и твердой" только в том случае, если ее обладатель имел в деревне хозяйство, где трудилась его семья. Главные же несчастья, по его мнению, происходили из-за мироедов и кулаков, наживавшихся на кабале спившихся крестьян.

Неслучайна поэтому его ремарка в "Дневнике писателя" за 1876. "По-моему, работай на фабрике: фабрика тоже дело законное и родится всегда подле возделанной уже земли: в том ее закон. Но пусть каждый фабричный работник знает, что у него где-то там есть Сад, под золотым солнцем и

[40] Достоевский Ф. М. Прежние земледельцы - будущие дипломаты//Достоевский Ф. М. Дневник писателя... С. 435.

[41] Достоевский Ф. М. Возможно ли у нас спрашивать европейских финансов? //Достоевский Ф. М. Пол. собр. соч. Л., 1984. Т. 27. С. 10.

виноградниками, собственный или вернее, общинный, и что в этом Саду живет и его жена, славная баба, не с мостовой, которая любит его и ждет, а с женой - его дети, которые играют в лошадки и все знают своего отца".[42] Разумеется, это был несбыточный идеал, навеянный итальянскими впечатлениями. Но важно другое: Достоевский защищает интересы отходника в посткрепостническую эпоху, когда крестьянская семья не в состоянии была вести хозяйство, не залезая в долги. "Порвалась цепь великая, порвалась - расскочилася одним концом по барину, другим по мужику!..."

В связи с "распадом великой цепи" воссоединять ее вновь можно было с разных концов: с одного - мужиками, с другого - баричами. Чтобы сохранить устои самодержавия, у царизма не было иного выбора кроме второго пути. "Есть земство, но оно "начальство", пишет Достоевский. Есть суд, но и то "начальство"; есть община, наконец, мир, но и то, как будто бы уж теперь тянет к чему-то похожему на начальство. Газеты полны описаниями, как народ выбирает своих выборных, в присутствии "начальства"... Посмотрит иной простак вокруг себя и вдруг выведет, что одному кулаку и мироеду житье, что как будто для них все делается, так стану-де и я кулаком, - и станет. Другой, посмирнее, просто сопьется, не потому что бедность одолела, а оттого, что от бесправицы тошно... Вон высчитали, что у народа теперь в этот миг чуть ли не два десятка начальствующих чинов, специально к нему

[42] Достоевский Ф. М. Дневник писателя. Избранные страницы. М., 1989. С. 303.

определенных, над ним стоящих, его оберегающих и опекающих".[43]

Сам Достоевский считал, что восстановление "великой разорванной цепи должно быть отдано мужикам, избиравшим Земское собрание. Подобно Толстому он, следуя формуле "царь отец - народ его дети", полагал, что император может быть конституционным монархом, возглавившим прогрессивные начинания в стране. "Народу не нужны, подчеркивал он, презирающие его советники. Это "остаток крепостного права".

"Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского, - пишет Достоевский, - он верит, что спасется лишь, в конце концов, *всесветным единением во имя Христова.* Вот наш русский социализм".[44] Достоевский обоснованно полагал, что русские мужики - верующие, но они не признают официальную церковь, в чем опять-таки перекликался с аналогичными заявлениями Л. Толстого.

"Духовенство наше не отвечает на вопросы народа давно уже, - писал он в "Дневнике". Кроме иных, горящих огнем ревности о Христе священников, часто незаметных, никому не известных, именно потому, что ничего не ищут для себя, а живут для паствы... Остальные, если уж очень потребуются от них ответы - ответят на вопросы, пожалуй, еще доносом на них. Другие до того отдаляют от себя паству несоразмерными ни с чем

[43] Достоевский Ф. М. Первый корень. Вместо твердого финансового тона впадаю в старые слова. Море-океан. Жажда правды и необходимость спокойствия, столь полезного для финансов.//Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 27. Дневник писателя 1881... С. 17.

[44] Там же. С. 17.

поборами, что к ним не придет никто спрашивать".[45] Для верующих бедняков стоявшая на страже самодержавия церковь во главе с синодом выступала в роли враждебной силы, что впоследствии сказалось на их готовности по призыву большевиков разрушать церковные здания и преследовать представителей духовенства.

"Полюби сперва святыню мою, - пишет Ф. Достоевский, перекликаясь с Л. Толстым, - почти то, что я жду и тогда ты точно таков, как я, мой брат, несмотря на то, что ты одет не так, что ты барин, что ты начальство... Как сделать, чтоб дух народа, тоскующий и обеспокоенный, повсеместно ободрился и успокоился. Ведь даже самые капиталы и движение их *нравственного* спокойствия ищут, а без нравственного спокойствия или прячутся, или непроизводительны". [46]

И Ф. Достоевский и Л. Толстой выражали настроения и чаяния патриархального крестьянина, хозяйствующего на своей земле. Их взгляды по многим вопросам неизбежно совпадали. Но угол зрения у них разный: у Л. Толстого - крестьянин, выращивающий продукцию для продажи, в том числе и кулак, мироед; у Достоевского - крестьянин-отходник.

Царю же был нужен восхищавшийся им народ, послушно выполняющий распоряжения чиновников. Ослушников ждала кара явных и тайных агентов полиции. По свидетельству бывшего "красным" при царе и объявленного "либералом" при большевиках А. Ф. Кони, только в Сибирь без суда и следствия ежегодно пересылались 8-10 тыс. чел. (со слов

[45] Достоевский Ф. М. Разговор мой с одним московским знакомым по поводу новой книжки//Достоевский Ф. М. Дневник писателя. Избранные страницы. С. 444

[46] Достоевский Ф. М. Первый корень... С. 19, 20.

начальника пересыльной части генерал-лейтенанта Беленченко).[47]

В самодержавной России полицейско-чиновничий произвол был безнаказанным - легальных средств борьбы с ним не было. С приходом к власти большевиков он стал безграничным, проникнув во все сферы жизни громадной страны. Традиции этого произвола сказываются до сих пор, несмотря на предпринимаемые со времен Ельцина решительные меры. Безнаказанность берущих взятки чиновников еще не преодолена. Привычки граждан обращаться в суд для защиты своих интересов пока только складываются.

Многое из того, о чем писалось во времена Достоевского, напоминают проблемы нынешнего дня. "Мы довольно часто сокращаем штаты, - пишет он в "Дневнике", - а между тем в результате выходит, что и штаты и персонал увеличиваются ... Все управления кишат проектами, нет мало-мальски заметного чиновника, который не был бы членом десяти комиссий; все, кажется, изучается, взвешивается и здесь и во всех странах мира... а колесница стоит на месте. Так и останется, ибо весь этот парад есть только внешнее подобие дела, а не само дело".[48] Зато, какое при этом открывается широкое поле для процветания коррупции!

Заслуживают внимания и размышления Достоевского об употреблении матерных слов. "Если, - пишет он, - запрещены физические отправления на улицах, раздетый донага человек, то как не запретить и этого: это тоже физическое отправление, вредное и жалкое. Без жалобы, прокуратура должна бы возбуждать и посылать к мировому судить за

[47] Кони А. Ф. Избранное... С. 355.

[48] Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1881. Источники текста //Полн. собр. соч. Т. 27. С. 288.

нетрезвость слова... Пресса, между прочим, обеспечивает слово всякому подлецу, умеющему на бумаге ругаться, которому ни за что бы не дали говорить в порядочном обществе... А в печати приют: приходи, сколько хочешь, ругайся, даже с почтением примут".

Бескомпромиссно выступал Достоевский и против тех, кто оправдывал пьянство.[49] "В согласованном хоре устных и письменных официальных заявлений в защиту личной свободы пьяницы, - писал по этому поводу А. Ф. Кони, - в одном из них, авторитетно сделанном в Государственной Думе, даже говорилось, что водка составляет предмет первой необходимости для народа, в забвении того, что она грозит обратиться в предмет его конечной гибели (ныне потребление водки возросло вдвое: свыше 15 л. против 7,32 л. при том же, что и при Кони оправдании пьянства - Ю. И.)... Город в последние полвека все больше и больше втягивает в себя сельское население своими отхожими ремеслами, фабриками и заводами и что именно это население подвергается особому соблазну пьянства в дни субботних расчетов, когда у ворот заводов и фабрик, тревожась за участь полуголодных и полуодетых детей матери ждут выхода мужей, чтобы спасти хоть часть выручки от пропивания ее целиком".[50]

Городская жизнь этих людей - основная тема творчества Достоевского. Подавляющее большинство из них полностью разорившиеся крестьяне и их потомки. Многие лишёны документов и, вступая на путь преступлений, вынуждены постоянно

[49] Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1881. С. 28, 51, 47, 48.//Полн. собр. соч. Т. 27...

[50] Кони А. Ф. К истории нашей борьбы с пьянством. //Кони А. Ф. Избранное... С. 77, 82.

скрываться от полиции. Другой аспект проблемы - оседавшие в городах разорившиеся дворяне. Ведь распавшаяся крепостная цепь ударила не только по мужику, но и по барину, вступавшему на путь уголовных преступлений.

"Что такое в Москве червонные валеты? - пишет Достоевский, - мне кажется это всего лишь та часть той фракции русского дворянства, которая не вынесла крестьянской реформы. Пусть они сами и не помещики, но они дети помещиков".[51]

И ниже добавляет: "Остатками состояния и связями он (Стива) избавлен от судьбы червонного валета; но если б состояние его рушилось, и нельзя бы было получать даром жалованья, то, может быть, он и стал бы валетом... В старину, конечно, для уплаты карточного долга или любовницы ему случалось отдавать людей в солдаты".[52]

За счет потомков таких помещиков уголовный мир пополнялся обладателями дворянских титулов князей, графов и т. д. В отличие от оседавших в городах грубых безграмотных крестьян они могли обольщать светскими манерами на иностранных языках, хвалиться знаниями, полученными в лицеях и университетах. Некоторые из них оставили заметный след в истории уголовного мира. Например, "Адмирал Нельсон", он же Ястржембский, прославившийся как медвежатник - специалист по вскрытию стальных сейфов с международной известностью.[53] О степени его родства с известным петрашевцем, Ястржембским Иваном (Фердинандом)

[51] Достоевский Ф. М. О сдирании коле вообще, разные аберрации в частности ненависть к авторитету при лакействе мысли//Достоевский Ф. М. Дневник писателя. Избранные страницы. М, 1989... С. 399.
[52] Там же. С. 407.
[53] См. Шейнин Л. Динары с дырками. //Путь к истине. Документальные рассказы о работе следователей советской прокуратуры. М., 1983.

Львовичем[54], по-видимому, лучше может сказать советник Путина, Сергей Владимирович Ястржембский.

Восторгавшие Ленина Нечаев и Ткачев объявляли уголовников главными участниками революции. В частности, в одном из изданий Нечаева, к "миру русской революции" причислялись "разбойники в лесах, городах и деревнях; разбросанные по целой России разбойники, заключенные в бесчисленных острогах империи". "Яд, нож, петля и т. п. - провозглашали авторы манифестов, - революция все равно освящает в этой борьбе".[55]

Против таких заявлений решительно выступили Маркс и Энгельс, заложив основы марксистского понимания русского освободительного движения против абсолютизма. "Экономическая и политическая борьба рабочих за свое освобождение, - писали они, - заменяется всеразрушительными актами героев уголовного мира - этого последнего воплощения революции. Одним словом, предлагают выпустить бослиа, которого сами рабочие устраняли во время "революции по западному классическому образцу" и тем самым предоставить безвозмездно в распоряжение реакционеров хорошо вышколенную банду агентов-провокаторов".[56]

И Нечаев, и Ткачев исходили из того, что Россия раньше Европы созрела для коммунистической

[54] См. Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение. Энциклопедический словарь. Т. 2. Спб., 2001.
[55] Цит по: Володин А. И., Карякин Ю. Ф. Плимак Е. Г. Чернышевский или Нечаев. М., 1976. С. 252.
[56] Маркс К. и Энгельс Ф. Альянс социалистической демократии и международное товарищество рабочих. Доклад и документы, опубликованные по постановлению Гаагского конгресса Интернационала. Август 1873. Т. 18. С. 426.

революции, поскольку в ней нет классов буржуазного общества. В открытом письме Энгельсу Ткачев утверждал: "У нас нет городского пролетариата, это, конечно, верно; но зато мы не имеем буржуазии... Нашим рабочим предстоит борьба лишь с *политической властью, - власть капитала* у нас еще только в зародыше".[57]

Эти претензии силами героев уголовного мира совершить коммунистическую революцию были немедленно развенчаны Энгельсом и Лафаргом при участии Маркса, которые писали: "Россия с каждым днем становится все более и более западноевропейской страной; развитие крупной промышленности, железных дорог, превращение всех натуральных повинностей в денежные платежи и разложение вследствие этого старых устоев общества - все происходит в России с возрастающей быстротой".[58]

Основным вопросом в то время был вопрос о судьбах "разлагавшего старые устои" рынка. Его отсутствие подразумевало административное распределение материальных благ, для чего было достаточно прихода к власти разбойников, иерархия которых определялась сверху. Издававшаяся Нечаевым "Народная расправа" писала: "Организация основывается на *доверии* к личности. - Ни один член не знает, к какой степени он принадлежит, то есть насколько он далек и близок от центра - *Беспрекословное повиновение распоряжениям комитета*. Отрешение от собственности, которая передается в ведение комитета. - Член, приобретший известное количество прозелитов дела, заявивший

---

[57] Ткачев П. Н. Открытое письмо Фридриху Энгельсу. // Избранные сочинения на социально-политические темы в четырех томах. Т. 3. М., 1933. Т. 3 С. 90.

[58] Энгельс Ф. О социальном вопросе в России

фактами о своих силах и способностях, знакомится с этими предложениями, а потом более или менее и с уставом общества. Мера сил и способностей определяется комитетом".[59]

Спустя четверть века эти же идеи своим единомышленникам настойчиво вдалбливал Ленин. Ратуя за полное товарищеское доверие между революционерами, он утверждал: "им некогда думать об игрушечных формах демократизма (демократизма внутри тесного ядра пользующихся полным взаимным доверием товарищей), но свою *ответственность* чувствуют они очень живо, зная притом по опыту, что для избавления от негодного члена организация настоящих революционеров не остановится ни пред какими средствами. Да и есть у нас довольно развитое, имеющее за собой целую историю, общественное мнение русской (и международной) революционной среды, карающее с беспощадной суровостью всякое отступление от обязанностей товарищества...".[60] "Мы должны, - добавлял он, переходя на библейский язык, - готовить жнецов, которые сумели бы и косить сегодняшние плевелы, и жать завтрашнюю пшеницу".[61] Решать же, кого "косить" и кого "жать" должен был тот, кто возглавлял организацию либо ее подразделение.

На подобных устоях изначально строились и уголовные организации. Возглавляющие их паханы, руководствуясь "товарищеским доверием" распределяли обязанности и доходы, решали вопросы "косьбы и жатвы". От них зависела значимость каждого в уголовном мире.

---

[59] Цит по: Маркс К. и Энгельс Ф. Т. 18. С. 402.

[60] Ленин В. И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения. Т. IV. С. 469.

[61] Там же. С. 450.

Другое дело порожденные рынком идеи свободы, равенства и братства, предполагающие существование гласных демократических преобразований, в которых принимает участие все население.

Не подлежит сомнению, что сегодняшние социальные проблемы невозможно решить вне рыночных связей, о чем убедительно свидетельствуют заметные на каждом шагу сдвиги, происшедшие по инициативе В. Путина и Д. Медведева. В то же время мы до сих пор окончательно не избавились от многих стереотипов прошлого. В частности, у нас приветствуется изучение мигрантами русского языка, но когда такое же изучение национального языка предъявляется в других государствах, мы сплошь да рядом глубокомысленно полагаем, что это одна из форм дискриминации русскоязычного населения. Чем скорее мы избавимся от подобных двойных стандартов, тем скорее преодолеем намеченные планки решения собственных социальных задач. Без тесной интеграции с мировым сообществом добиться этого невозможно.

В рассматриваемый период марксистская оценка русской действительности еще только набирала дорогу. Над ней довлело решение вопроса о судьбах деклассированного населения. Расхождения Ленина и Троцкого тогда фактически сводились только к вопросу о демократии. «Развернутая формула аграрного вопроса гласит: - писал Троцкий- экспроприация дворянства, упразднение царизма и демократия».[62]

Отсталость России не позволяла понять прописной марксисткой истины о революционной роли в условиях развитого рынка акционерных обществ. Она стала понятна Троцкому лишь с началом его борьбы против Сталина и созданного им властного аппарата деклассированных масс.

[62] См. Троцкий Л.Д. Крестьянство и аграрный вопрос//ГРАСПИ. Ф. 325, опись1, ед.хр.124. Л.23..